

Татьяна Касперски

Чернобыль: коллективные представления и стиль жизни

Abstract.

В работе рассмотрен феномен коллективных представлений белорусов о Чернобыльской катастрофе. Дискурс Чернобыля присутствует повсеместно, однако он в высокой степени бессодержателен, несет неопределенность, представляет некую пустую форму. Содержание вытесняется и локализуется во времени и в пространстве: в прошлом, где трагическое переживание утрачивает реальные связи с действительностью, или в пространственных локациях, которые находятся «не здесь», а в «другом месте» (Гомельской области, зонах отселения и т. д.). Катастрофа воспринимается как неконтролируемая агрессия, невидимый враг, но она не превращает белорусское общество в единое целое, противостоящее этой угрозе. В представлениях о Чернобыле присутствуют страх разрушения социального и политического порядка, и это активно используется официальной властью для утверждения и легитимации своего контроля над обществом.

Ключевые слова: Чернобыль, авария на ЧАЭС, коллективные представления, коллективные представления Беларуси, коллективная память, вытеснение травматических переживаний, дискурс власти, практики легитимации.

Сразу две годовщины стали в 2006 году поводом для подведения важных итогов: пятнадцатилетний юбилей независимости Беларуси и распада СССР и двадцатилетняя годовщина аварии на Чернобыльской АЭС. И хотя круглые даты не всегда означают окончание какого-либо одного этапа развития и начало другого, качественно нового, все же итоги подводить можно.

Своеобразный общий итог всего вышеперечисленного состоит в том, что Беларусь и белорусы, и в первую очередь белорусская интеллектуальная элита, не нашли какого бы то ни было удовлетворительного способа сосуществования с двумя основными данностями современной белорусской действительности. Нет удовлетворительного и способствующего развитию страны ответа на то, что делать белорусам с собственной независимостью, с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС и с существующим политическим режимом. В данной работе мы хотели бы привлечь внимание к феномену коллективных представлений о Чернобыльской катастрофе.

По случаю двадцатилетия аварии на Чернобыльской АЭС было произнесено немало речей, написано докладов и отчетов, проведено иссле-

дований и социологических опросов. Во многих из них отмечались и подчеркивались некоторая незавершенность, недоосмысленность, недопонятность Чернобыля как феномена существования общества и государства. В них, как и в свое время у персонажей «Чернобыльской молитвы» Светланы Алексиевич, звучит мысль о том, что Чернобыльская катастрофа постоянно ускользает от наших попыток ее объяснить и подытожить.

Уже не одно поколение живет после Чернобыля дольше, чем успело прожить до него. И все двадцать лет это делается каким-то определенным образом, с опорой на некоторые вполне конкретные, пусть и не всегда до конца осознанные представления, которые влияют на способы жизни в обществе и на формы участия в функционировании политической системы. Каковы же эти представления и в чем состоит феномен Чернобыля как способа существования?

I. Пространственное и временное вытеснение

Главной особенностью феномена Чернобыля как способа существования является то, что

он есть везде, но нигде не присутствует конкретно и осязаемо. Мы слышим о Чернобыле регулярно, по самым воображимым и невообразимым поводам. Имеет место перенасыщение информационного пространства упоминаниями о катастрофе. Все, связанное с ней, беспрестанно проговаривается, «заговаривается», как будто одно упоминание о ней может каким-то волшебным способом обезопасить общество от неких абстрактных угроз. Чернобыльский дискурс становится чем-то вроде пустой формы, которая заполняется в соответствии с вполне конкретными целями и стратегиями говорящих. При этом форма закрывает собой содержание, состоящее из целого ряда конкретных проблем, связанных с последствиями Чернобыльской катастрофы и опытом их переживания. Содержание становится тем, что всячески избегается и вытесняется, и этому способствуют общепринятые представления о Чернобыльской катастрофе. Избегание происходит как во времени, так и в пространстве.

Избегание во времени имеет две основные формы: вытеснение в прошлое и вытеснение в будущее. Сегодня часто можно слышать о необходимости сохранить историческую память о Чернобыльской катастрофе. И поскольку память, в первую очередь, является одной из основных форм присутствия индивидуального и коллективного прошлого в настоящем, то призывы помнить о Чернобыле указывают на попытки препятствовать исчезновению Чернобыля из нашего настоящего, его вытеснению в прошлое, восприятию его как некоторого отдельного события, трагического, но не имеющего осязаемой связи с действительностью.

Симптомом этого вытеснения становится постоянно присутствующий дискурс о «преодолении последствий», «возрождении земель», «восстановлении материальной культуры и жизнедеятельности» на территориях, пострадавших от последствий аварии.

Также Чернобыль вытесняется в будущее. Феномен Чернобыля воспринимается как еще мало изученная, непонятая техногенная катастрофа, действительные последствия которой проявятся лишь через десятилетия, столетия или даже тысячелетия. Ответы на то, что же такое Чернобыль, ожидаются в достаточно отдаленном, довольно абстрактном будущем, если учитывать период полураспада некоторых радионуклидов, уровень развития науки, долгий латентный пе-

риод развития болезней, предположительно связанных с воздействием радиации, наличием неизученных стохастических эффектов.

Что же касается пространственного вытеснения, то Чернобыль воспринимается как локация, которая находится «не здесь» и касается других. В Минске она вытесняется в Гомель (Гомельскую область), в Гомеле отсылается к загрязненным сельским районам, население которых вытесняет катастрофу в «зону отселения».

В коллективных представлениях Чернобыльская катастрофа воспринимается как проблема «чернобыльцев», целого ряда пострадавших, которые являются носителями осязаемых признаков, свидетельств Чернобыльской катастрофы. Исследователи, журналисты, представители неправительственных организаций стремятся найти людей (ликвидаторы, переселенцы, жители загрязненных территорий), которые соответствовали бы их представлениям о «пострадавших» от Чернобыля, и таким образом как-то обозначить, «локализовать» Чернобыльскую катастрофу в социальном пространстве и в то же время дистанцироваться от нее. Покинутые деревни, животные с врожденными мутациями, радиационные заповедные леса дополняют галерею образов «катастрофы». Эти образы отвечают стремлению вытеснить осознание того, как конкретно последствия чернобыльской аварии затрагивают каждого и что в связи с этим каждому необходимо изменить в собственном способе существования.

Сама проблема отношения к пострадавшим от Чернобыльской катастрофы очень деликатная. Как проявить подлинный интерес и заботу о тех, кто потерял свое здоровье, материальное благополучие, привычный образ жизни в результате аварии на Чернобыльской АЭС и действительно нуждается в помощи? Как сохранить память о тех, кто участвовал в преодолении ее последствий, и при этом не сводить все разнообразие их жизненного опыта, всю уникальность их человеческого бытия к бытию в роли «пострадавших»?

Поиски этих пострадавших не являются единственным способом вытеснения реальности Чернобыльской катастрофы. Коллективные представления очень часто апеллируют к общему образу «пострадавшего народа», «пострадавшей страны» и «нации». Чернобыльская катастрофа при этом воспринимается исключительно сквозь призму противостояния всего сообщества

и государства некоторой внешней неконтролируемой угрозе. Образ «угрозы» присутствует в памяти о том, что было непосредственно после аварии, и в современных представлениях о природе катастрофы.

II. Чернобыль и «угроза»

Перечитывая сегодня воспоминания, свидетельства очевидцев событий, происходивших в первые часы, дни и недели после аварии, мы можем констатировать, что авария на ЧАЭС практически сразу стала восприниматься как некая вырвавшаяся из-под контроля сила, чуть ли не наделенная собственной волей и логикой. Авария кристаллизуется в коллективных представлениях в конкретные образы, которые олицетворяют эту силу: разъяренный реактор, радиоактивное облако, радиоактивный дождь, ядерный монстр. Авария трактуется как внезапная, а значит, внешняя по отношению к размерной, безопасной жизни советских граждан, агрессия. Не случайно у многих очевидцев и участников событий спонтанно возникал образ войны, который накладывался на все происходящее: эвакуация, военная техника, солдаты, контрольно-пропускные пункты. Однако на сей раз речь шла о войне особенной — с врагом невидимым и непонятым.

Сравнение Чернобыльской катастрофы с войной постоянно присутствует в политическом языке. Александр Лукашенко, совершая традиционную поездку по пострадавшим от чернобыльской аварии регионам, подчеркивал, что в результате аварии потери белорусского народа сопоставимы с потерями в период Великой Отечественной войны. Белорусский народ вынужден бороться с новым противником «*один на один*», «*это наша беда, но не мы причина случившегося*» (Репортаж о посещении..., 2006). Эти сравнения часто используют и для того, чтобы подчеркнуть непостижимость Чернобыльской катастрофы, ее непонятность для тех, кто привык видеть в войне единственную угрозу мирной жизни людей.

Восприятие Чернобыльской катастрофы как внешней смутной угрозы с годами еще больше укрепилось. В коллективных представлениях она как таковая воспринимается и сегодня, хотя, казалось бы, последствия аварии уже стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов белорусов. Общество все еще продолжа-

ет бороться с катастрофой и стремится «ликвидировать» ее последствия. «Чернобыльская беда», «ядерный монстр» дополняются все новыми и новыми деталями, среди которых разрушающийся «саркофаг» над реактором, «город-призрак» Припять, покинутые деревни, брошенные дома и квартиры с фотографиями и детскими игрушками. Радиоактивное загрязнение воспринимается как невидимая война, которая ведется против мирных жителей пострадавших деревень.

«Тихая охота. Ее спустя 20 лет после аварии ведут против нас цезий и стронций. Первая атака Чернобыля на наше здоровье — радиоактивными изотопами йода — была молниеносной и скоротечной. Затем в бой вступила “тяжелая артиллерия” — цезий и стронций. Умеем ли мы отвечать ударом на удар?» (Кириллова, 2006).

Эти образы заменяют собой реальность аварии как результат работы системы институтов, процессов и конкретных действий. Безусловно, некоторый внешний аспект всегда присутствует в любой катастрофе. Тем не менее, при анализе катастрофы необходимо видеть два различных феномена, которые часто, без размышлений, воспринимаются как одно и то же. С одной стороны, имеет место непосредственно авария, которая приводит к нарушению существовавшего ранее равновесия естественной либо искусственной среды. Эта авария социально нейтральна и включает в себя множество неорганизованных и хаотичных процессов, не имеющих собственной направленности против социума. С другой стороны, есть некоторая уязвимость, свойственная самой социальной среде, которая реагирует на аварию в соответствии со своей структурой, организационными, материальными, интеллектуальными и иными ресурсами.

Взаимосвязь между этими двумя элементами не однозначна. Авария, пусть даже очень серьезная, не обязательно приводит к серьезным потрясениям в социальной среде. И наоборот, незначительный инцидент, даже воображаемый, может привести к серьезному кризису в неустойчивой социальной среде. Таким образом, катастрофа всегда в значительной степени является продуктом социальной системы. И как отдельная совокупность, приравняемая к внешнему противнику, существует только в коллективных представлениях, а не в реальности (Gilbert, 1992). Именно таким образом и происходит процесс пространственного вытеснения

целого ряда аспектов чернобыльского феномена, о котором мы говорили выше.

Следует отметить, что как в реальности не существует какого-то внешнего «агента», внешнего «Чернобыля», являющегося источником постоянной угрозы, так на самом деле не существует и единого сообщества, которое бы этой угрозе противостояло. Авария на Чернобыльской АЭС привела к самым разным последствиям, каждое из которых по-своему затрагивает отдельных индивидов и целые социальные группы, которые хоть и представляют практически все слои общества, все же не складываются в единое целое, не превращаются в «сообщество», «народ», «нацию» или «государство», пострадавшее от некоторой внешней силы.

III. Катастрофа и структуры власти

Чернобыльская авария преподносится как испытание для отдельного общества, испытание на прочность, сплоченность и способность защитить своих членов. Это испытание в коллективных представлениях несет в себе некоторый мистический смысл, символику Судного дня, который выявляет правду.

В первых реакциях людей на катастрофу, да и в сегодняшних представлениях о ней, присутствует очень сильная обеспокоенность, сомнения по поводу способности властей обезопасить людей и по поводу способности сообщества сохранить свою сплоченность, имеющийся социальный порядок. Так, например, страх перед возможным нарушением социального единства в первое время после аварии на ЧАЭС имел форму паники среди населения. Из-за этого не были приняты или приняты с опозданием некоторые простые меры по защите населения, в частности своевременная эвакуация и использования препаратов йода. Жан-Пьер Дюпюи, французский философ катастроф, подчеркивал по этому поводу: «Паника... играет очень важную роль в социальном воображении. Это слово говорят спонтанно, автоматически, когда в ситуации серьезного напряжения и неминуемого кризиса хотят обозначить некую смутную угрозу, возможность, что происходящее выйдет из-под контроля и ввергнет всех в бог весть какой отвратительный хаос» (Dupuy, 1990).

Наряду с опасениями социального хаоса в

восприятии Чернобыльской катастрофы всегда присутствовал и присутствует страх политического беспорядка, кризиса власти. Это очень хорошо видно на примере процесса создания системы по управлению ликвидацией последствиями аварии на Чернобыльской АЭС. Местные органы власти практически не принимали, особенно поначалу, каких-либо конкретных самостоятельных действий, даже элементарных, по защите населения и минимизации последствий аварии.

Все важные решения принимались Правительственной комиссией по расследованию причин и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, созданной Советом Министров СССР. Комиссию возглавляла Б. Щербина — заместитель председателя Совета Министров, которая некоторое время после аварии фактически единолично руководила ликвидацией последствий.

Централизованный характер управления еще больше был подчеркнут созданием на следующий день после аварии Оперативной группы при Политбюро, которая была призвана взять ситуацию под контроль. Конечно, такой подход к созданию структуры управления во многом объясняется спецификой советской политической системы в целом. Тем не менее, то, насколько такое решение было продиктовано безотчетным опасением кризиса власти, неповиновения, выхода ситуации из-под контроля, свойственного спонтанным коллективным представлениям о катастрофе, видно из воспоминаний главы Оперативной группы Н. Рыжкова: «Сейчас можно вероятно кинуть в нас очередной камень, мол, еще одно партийно-государственное бюрократическое формирование вместо дела. (...) Еще раз напомню, беда случилась в начале 86-го, авторитет Политбюро был непререкаемым. Только его именем можно было задействовать все и всех в стране, а события, понимали мы, шли к тому. ...если известно, что во главе стоит Политбюро, любой исполнитель любого ранга сделает все беспрекословно и точно. (...) И чтобы ни говорили сейчас о Политбюро, это был коллективный орган. Решения его были обязательными для исполнения. Да, такова была система. Но простите мне за кощунство, слава Богу, что Чернобыль случился не нынче, а тогда ОГ заседала ежедневно, а в первые дни по два раза» (Рыжков, 1992).

И сегодня, двадцать лет спустя, по-прежнему присутствуют страх разрушения социального и политического порядка, опасение, что какие-то члены общества будут совершать действия, разрушительные для установившегося равновесия сплоченного противостояния чернобыльской беде. Эти опасения очень активно используются официальной властью для утверждения и легитимации своего контроля над обществом. С одной стороны, официальный политический дискурс постоянно изобличает оппозицию в попытках использовать чернобыльскую беду для разрушения стабильности, провоцирования конфликтов в белорусском обществе, противостояния стремлениям белорусского народа и государства к преодолению чернобыльского наследия и возвращения к нормальным условиям жизни: *«В последнее время они (представители оппозиции. — прим. автора) особенно агрессивно относятся к новым подходам нашего государства в вопросах минимизации последствий Чернобыля и возрождения пострадавших регионов. Но наши люди своей любовью и преданностью к родной земле отвергают такие деструктивные подходы»* (Репортаж о посещении..., 2006).

С другой стороны, властью все время подчеркивается прямая, непосредственная забота государства и лично президента республики о каждом пострадавшем человеке. Описанные официальной прессой отношения власти к населению пострадавших территорий очень симулирует патронажную заботу: *«Лучшая поддержка для человека, не по своей вине попавшего в сложную жизненную ситуацию, — это простое внимание к его проблемам. Если окружающие тебя люди проявляют участие, искренне помогают справиться со сложностями, тогда они кажутся не такими уж безнадежными. В поддержке “чернобыльцев” власть заняла именно такую позицию: не лить слезы по поводу того, что произошло... а помочь сделать так, чтобы жизнь в пострадавших районах была такой же полноценной и достойной, как и во всей стране. Благо по прошествии двух десятков лет уже и сама природа помогает нам справиться с последствиями чернобыльской беды»*.

Власть призывает: *«...вдохнуть новую жизнь в территории, на которые в 1986 году было совсем махнули рукой. Ведь живут на*

ней хорошие, трудолюбивые люди, которым и нужно-то немного: опереться на плечо государства, а с остальным они справятся сами» (Кряг, 2006).

IV. Неопределенность

Еще одним важным аспектом избегания конфронтации с реальностью Чернобыля является неопределенность. Практически любой анализ деятельности, связанной с последствиями аварии на ЧАЭС, и всякое социологическое и антропологическое исследование жизни людей на загрязненных территориях указывают на фактор неопределенности как на основное препятствие для понимания и эффективного решения чернобыльских проблем.

Что конкретно имеется в виду под неопределенностью? Каково ее происхождение и воздействие на условия осуществления выбора способа поведения? Как влияет неопределенность на специфику коллективных представлений о Чернобыльской катастрофе? С одной стороны, мы можем рассматривать неопределенность как неминуемое объективное следствие внешней, непредвиденной, внезапной угрозы. С другой стороны, неопределенность в некоторой степени продуцируется самим сообществом, населением, властями и теми, кто руководит мерами по минимизации последствий аварии (Gilbert, 1992).

Уже в первые дни после катастрофы фактор неопределенности был еще одним серьезным препятствием, затруднявшим принятие адекватных решений, касающихся защиты населения, тушения реактора, остановки выброса из реактора радиоактивных веществ. Не было понятно, что конкретно произошло на станции и чем это угрожает населению. Никто не предвидел экстремально аварийной ситуации на атомной электростанции, процессы, произошедшие после взрыва ядерного реактора, во многом оставались неизученными. В состоянии неопределенности находилось и население Беларуси, Украины и России, особенно на территориях, близких к атомной станции.

Однако нельзя рассматривать неопределенность только как привнесенное извне условие, в котором приходится принимать решения, касающиеся последствий аварии. Необходимо принимать во внимание и тот вклад в создание и поддержание неопределенности, который вносят

в нее те, кто испытывает на себе ее воздействие. Действительно, анализируя, к примеру, решения представителей властей, руководства станции и специалистов после аварии, мы можем увидеть, что очень многие из них осознанно или неосознанно ограничивали потоки информации, принимаемые ими во внимание. Многие сведения не проверялись, многие отбрасывались только потому, что противоречили привычным структурам понимания окружающей действительности. Так, например, взрыв реактора произошел в 1 час 23 минуты по местному времени, но то, что реактор был разрушен, было официально установлено только к 15 часам. Руководство станции длительное время отвергало все свидетельства, подтверждающие разрушение реактора, в том числе показания зашкаливавших приборов, а также сообщения работников станции, которые рискуя собственной жизнью, отправились проверить состояние реактора. В результате были предприняты многие ненужные действия (попытка охладить уже несуществующий реактор водой) и, наоборот, не приняты своевременные меры по защите населения. Столь ограниченное, хоть и вполне понятное, восприятие информации значительно увеличило неопределенность происходящего и степень его угрозы жизни и здоровью населения, неопределенность, в которой приходилось принимать решения специалистам и представителям властей. Таких примеров очень много. Следует сказать, что это не было специфической чертой только чернобыльского поставарийного кризиса. Склонность к созданию и поддержанию неопределенности со стороны тех, кто в ситуациях кризиса призван в условиях этой неопределенности действовать, замечена на примере анализа многих чрезвычайных ситуаций (Gilbert, 1992).

В данном случае отличие чернобыльского феномена состоит в том, что неопределенность, лишь незначительно уменьшаясь со временем, продолжает играть большую роль в том, как разные группы общества воспринимают последствия аварии сегодня. Неопределенность постоянно поддерживается вытеснением из осознания разного рода информации, имеющей потенциальную способность эту неопределенность уменьшить. Например, от приехавших годы спустя на постоянное жительство на радиационно загрязненные территории жителей других республик бывшего СССР (в частности, выходцев из Средней Азии) мы можем услышать жалобы на со-

стояние щитовидной железы, которая «из-за радиации у всех увеличена». При этом парадоксально «забывается» информация о том, что увеличение щитовидной железы вследствие воздействия радиации может происходить только за счет изотопов радиоактивного йода с очень коротким периодом полураспада, находившихся в воздухе в значительном количестве только в первую неделю после аварии.

V. Заключение

Таким образом, можно очертить коллективное представление о Чернобыльской катастрофе. Практически все элементы коллективных представлений активно поддерживаются и используются политическими структурами, являются частью официального дискурса по поводу Чернобыльской катастрофы.

Любопытно отметить, что одной из основных характеристик Чернобыля как способа существования является существование под неосознанным девизом «как бы»: Чернобыльская катастрофа «как бы» имела место, «как бы» существуют ее последствия, которые «как бы» касаются жителей Беларуси, но каждый взятый отдельно конкретный человек «как бы» живет жизнью, в которой Чернобыльская катастрофа присутствует очень условно, глобально, гипотетически и не может никоим образом эту конкретную жизнь затронуть. Это «как бы» является видимым индикатором избегания реальной конфронтации с Чернобылем как совокупности вполне конкретных проблем (прошлых, настоящих и будущих).

Чернобыль перестал просто обозначать атомную станцию, где произошла авария с масштабными экономическими, политическими, социальными и экологическими последствиями. Чернобыль — это экран, куда проецируют свои кошмары и надежды отдельные люди и целые сообщества, это повод для официальных церемоний и ритуалов, для демонстраций протеста. Чернобыль стал сегодня настолько всеобъемлющим символом и концепцией, что уже мало кто может точно сказать, что имеется в виду. И яркое подтверждение этому — само понятие «Чернобыль», которое давно уже ведет свое отдельное существование, независимое от географического названия города в нескольких километрах от атомной станции имени Ленина.

Безусловно, реальность последствий аварии на Чернобыльской атомной станции никогда не

сможет быть достоверно и окончательно описана, хотя и постоянно ощутимо проявляет себя в жизни людей. Действительно, любые попытки как-то понять последствия аварии требуют привнесения некоторой внешней структуры в реальность, которая на самом деле подвижна, хаотична и противоречива.

Поэтому существование «Чернобыля» как формы коллективных представлений необходимо для управления общественными и политическими процессами, необходимо обращение к каким-то общим представлениям о действительности, к некоей сконструированной общности, являющейся носителем определенной идентичности. Без использования экспликатов, без создания структур, придающих смысл явлениям и процессам, невозможно представить себе суще-

ствование ни отдельно взятого человека, ни целого сообщества. Тем не менее, тот смысл, который мы вкладываем в окружающую нас действительность, определяет наши способы и качество нашей жизни в ней. Авторство смыслов, однако, постоянно упускается из виду, поскольку сконструированные сообществом и отдельными людьми смыслы перестают восприниматься как таковые, а воспринимаются как объективные и внешние условия существования, на которые они не могут влиять.

Распространенные же сегодня смыслы и коллективные представления о Чернобыльской катастрофе способствуют, на наш взгляд, уходу от реальности воздействия конкретных последствий чернобыльской аварии, которые сами по себе не могут полностью исчезнуть.

Литература

1. Кириллова Л. Тихая охота // Советская Белоруссия. 26.04.06. № 78. <http://www.sb.by/article.php?articleID=51156>
2. Кряг Д. Возрождение земли // Советская Белоруссия. 26.04.06. № 78. <http://www.sb.by/article.php?articleID=51169>
3. Репортаж о посещении Президентом Александром Лукашенко Брагинского района Гомельской области в день 20-летия аварии на ЧАЭС «Беларусь справится с задачей реабилитации чернобыльских регионов». 27.04.06. <http://www.belta.by>
4. Рыжков Н. Перестройка: история предательства. — Москва, 1992 // Цит. по: Дьяченко А. Опыт ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. — Москва: Институт стратегической стабильности Минатома России, 2004. <http://www.iss.niit.ru/book-7/glav-3-1.htm>
5. Dupuy J.-P. La panique, du mythe au concept // Rapports et documents du CREA, août 1990.
6. Gilbert C. Le pouvoir en situation extrême : catastrophe et politique. — Paris, Harmattan, 1992.